

ГРЭХЕМ ГРИН

в редакции «Иностранной литературы»

Если бы мысль рассказывать читателям о встречах с нашими гостями пришла несколько раньше, то первое интервью с Грэхемом Грином появилось бы еще в 1957 году. Грин был тогда в Москве впервые и лишь проездом — он летел в Китай. всю жизнь писатель неутомимо путешествует — не случайно действие его романов разворачивается в самых разных частях света и уголках земли, — но он не склонен верить беглым впечатлениям. Три года назад Грин говорил в редакции о своих планах попутешествовать по нашей стране, узнать поближе жизнь наших людей. С тех пор Грин побывал в Советском Союзе трижды. Строгая красота Ленинграда покорила сразу, писателю открывается и прелесть узеньких переулков Москвы, совершенство кремлевского ансамбля. Но хочется еще посмотреть Киев, Тбилиси, а главное — не чувствовать себя все время на перекладных, иметь возможность наблюдать жизнь. Это остается запланированным на будущее.

За три года, прошедших со времени первых личных встреч и разговоров, не только Грин стал лучше представлять себе Советскую Россию, но и мы лучше узнали его. Три года назад следовало бы, вероятно, рассказать читателю о творчестве одного из видных писателей Англии, известного в то время в Советском Союзе лишь романом «Тихий американец». С тех пор в русском переводе вышли роман Грина «Наш человек в Гаване» и пьеса «Комната для живых», книга очерков «Путешествие без карты» и рассказы; Московский театр драмы и комедии инсценировал

«Тихого американца», в журналах и газетах опубликованы многочисленные статьи о книгах и творческом пути писателя. В театре, в библиотеке им. Ленина, в кафе, прямо на улице — всюду Грин встречал ценителей его таланта.

Грин не любит давать интервью, главным в его жизни давно стали книги. К тому же у него был кое-какой горький опыт.

— Когда я слышу слово «интервью», — говорит Грин, — мне вспоминается, как однажды французская газета сообщила, что я будто бы собираюсь стать американским гражданином и на Среднем Западе покупаю себе дом. Не очень приятно узнавать из газет о себе то, что является плодом воображения журналиста.

Тем не менее беседа в стенах нашей редакции — об английских писателях и о настроениях молодежи, об изменениях условий жизни в послевоенной Англии и о задачах и трудностях издания советской литературы в Англии — идет неторопливо и откровенно. Грэхем Грин рассказывает о новом романе, работу над которым он завершает в настоящее время:

— Всегда очень трудно говорить о книге, которая еще не совсем закончена. По объему это небольшой роман, такой как «Наш человек в Гаване». Место действия — Бельгийское Конго, лепрозорий, некоторые страницы поэтому, возможно, будут не совсем приятно читать... В Африке я много жил и Африку знаю. Прежде чем написать эту книгу, я прожил два месяца в лепрозории, стараясь во всех деталях изучить методы лечения и симптомы болезни. Я решил написать о проказе, потому что мне

хотелось рассказать о человеке, травмированном, так сказать, психологически, это как бы символическое сравнение.

— Герой — бельгиец, известный архитектор, католик. Архитектура ему надоела, он устал от жизни, морально он в тупике. Это книга о человеке, который потерял веру в свое призвание, в человеческое общество, в бога, он разуверился во всем. Но все-таки книга, на мой взгляд, не безысходная. Это история излечения героя — не от проказы, а излечения нравственного. Название романа «The Burnt Out Case» очень трудно перевести, это термин, у прокаженного иногда удается остановить про-

—...у человечества достанет здравого смысла, чтобы помешать войне.

цесс болезни, но человек все-таки остается искалеченным — без пальцев рук или без кисти, болезнь наложила на него свой отпечаток. Название это имеет в моей книге и символический смысл. Герой романа уже совсем подготовлен к тому, чтобы примириться с жизнью. Однако окружающий мир снова препятствует его нравственному выздоровлению. Успех, погубивший его в свое время, и здесь, в лепрозории, настигает его.

— У меня еще нет чувства удовлетворения этой книгой, над ее завершением предстоит еще много работать. Дело в том, что на этот раз я попробовал отказаться от некоторых приемов, которые применял раньше.

Грин говорит о постановке «Тихого американца» в Московском театре драмы и комедии.

— Я был слишком поглощен сценой, чтобы замечать реакцию зрителей. Не могу сказать, что мне все в равной мере понравилось в спектакле, но я считаю, что это была честная попытка инсценировать роман, который, по-моему, инсценировать очень трудно. Фаулер слишком много говорит, книга, как вы знаете, написана от первого лица, при инсценировке мысли и размышления героя переведены в диалог. Мне кажется, что это драматургически неверное решение. Но я не могу не оценить того, что спектакль верно передает содержание книги, ее сюжет, в то время как фильм, который сделали в Америке, даже нельзя назвать фильмом по моему роману. Пайл в инсценировке московского театра — это именно тот тип, который показан в книге, американцы же героизировали Пайла.

Разговор заходит об английских писателях, и, конечно, о молодых. Грина спрашивают о «сердитых молодых людях», можно ли говорить о них как о новом направлении, кто из молодых, по его мнению, наиболее талантлив, и шире — каковы вообще сейчас настроения английской молодежи, не только литературной.

— Такой вопрос надо задавать человеку более молодому, нежели я. Грустные вещи происходят с людьми, когда им уже за пятьдесят. Начинаешь читать все меньше и меньше молодых писателей. Когда речь заходит о современной английской литературе, всегда задают вопрос о «сердитых

молодых людях». Мне же кажется, что это чисто журналистское определение. Очень трудно предсказать, что произойдет с этими писателями в ближайшие десять лет. У Осборна хороша была его первая пьеса, однако дальнейшие его произведения не имели успеха, критика встретила их без особого энтузиазма. Последняя его пьеса «Мир Поля Слики», по-моему, очень слаба. Осборн был уверен, что критика обрушится на него за те разоблачения, которые есть в пьесе, он был уверен, что критика отнеслась к нему пристрастно. В действительности же это просто плохое произведение. Осборн выступает против вещей, против которых следует выступать, но оружие у него тупое. Эмис после своего «Счастливого Джима» написал несколько новых произведений. По этим книгам, на мой взгляд, трудно судить о том, что будет с Эмисом в дальнейшем.

— Можно было бы сказать о таких писателях, как Алан Силитоу, Макинес,— в их произведениях есть правда жизни и есть поэзия. Они пишут о молодежи и подростках. Это очень интересные произведения. Но я хочу вновь напомнить, что с вами говорит человек, которому уже за пятьдесят.

Какие трудности встают перед молодым поколением, чем объясняются их «сердитые» настроения, разочарованность, скептицизм, почему в Англии растет детская преступность? Эти вопросы не могут не тревожить, когда задумываешься над судьбами страны. Об этом не раз говорили наши английские гости — и Джеймс Олдридж, чья статья о «сердитых» была напечатана «Литературной газетой», и Джек Линдсей, готовящий сейчас работу об английской литературной молодежи. Говоря о сегодняшнем молодом поколении, Грэхем Грин вспоминает о тех, кто был молод в 30-е годы,— отцы и дети... В настроениях теперешней молодежи ощущается какая-то тоска по романтике, в чем-то они завидуют своим отцам.

— Если говорить об отцах и детях сегодняшней Англии, какой романтики недостает молодому поколению? О чем идет речь? О тяге, скажем, к опасностям, риску, или вы имеете в виду цель жизни? — спрашиваем мы Грина.

— Романтика была в том, например, что в 30-е годы молодежь шла воевать в Испа-

— Тот идеальный читатель, от которого писатель жаждет получить письмо, не пишет писем.

нию. Опасность атомной бомбардировки не вызывает романтических чувств,— отвечает Грин.— Но сейчас, мне кажется, никто всерьез не думает, что война действительно наступит, потому что ядерная война настолько самоубийственна, настолько безумна, что веришь: у человечества достаточно здравого смысла, чтобы помешать ей.

— У нас писатель тесно связан со своим читателем, он получает буквально потоки писем. А каковы ваши связи с читателями?

— Когда я пишу роман, я пытаюсь забыть о своих читателях и, должен сказать, легко о них забываю, потому что концентрирую все внимание на том, что пишу. С пьесой дело другое, здесь, конечно, думаешь о зрительном зале, каким будет воздействие той или иной картины. Работая

над романом, можно совершенно забыть о читателе — за исключением самого главного: желания ясно передать то, что чувствуешь, и то, что хочешь сказать. Когда пишешь, стараешься, чтобы это было сначала предельно ясно для самого себя. Иногда перечтешь то, что написал, и чувствуешь, что фраза неясная, претенциозная, что в ней слишком много красивых слов, видишь, что даже для себя не передал мысль, которую хотел вложить в нее, и за красивыми словами скрывается пустота. Я не люблю писем читателей. Тот идеальный читатель, от которого писатель жаждет получить письмо, не пишет писем.

Слушая эти горькие слова, думаешь, что не случайно Грин обронил афоризм: «О писателе нельзя судить по его популярности». Грин говорит в связи с этим об английских писателях, в том числе о Пристли. Но хотя Грину не очень нравится писательская манера Пристли, Грин ценит его произведения военных лет, его выступления по радио во время войны — ведь Пристли сумел тогда выразить чувства миллионов людей. Одно дело — подлаживаться к вкусам читающей публики и совсем другое — уметь сказать что-то очень важное и близкое людям.

Грин рассказывает о судьбе индийского писателя Нарайана. О Нарайане мы слушаем с особым интересом, так как его роман «Святой Раджу» печатается в нашем журнале. Этот писатель нелегко завоевал себе известность.

— Я очень рад, что мне предоставляется возможность сказать об этом писателе, — говорит Грин. — Мне необыкновенно нравится эта книга, и я даже горжусь ею, потому что, мне кажется, я могу претендовать на честь открытия ее автора. Мой друг индиец прислал мне как-то, еще перед

войной, очень «слепую» рукопись и просил прочесть ее. Я вообще ненавижу читать рукописи. Если много читать рукописей, никогда сам ничего не напишешь. Несколько недель эта рукопись пролежала у меня на столе. Но затем, потому что это была рукопись не англичанина, а индийца (к своим соотечественникам я отношусь безжалостнее), я решил прочесть ее и был совершенно ею очарован. Это история индийского ребенка, называется книжка «Свами и его друзья». Я уговорил издательство напечатать эту книгу. Роман вышел в трудный для книжного дела период и успеха не имел. К следующему роману Нарайана я написал предисловие и сумел устроить его в другом издательстве, но и этот роман провалился. Для третьего романа мне пришлось искать третьего издателя.

— А после войны я сам стал издавать книги Нарайана. Я вновь опубликовал все его старые произведения и выпустил в свет новые. Он всегда посылает мне рукопись, напечатанную на машинке, и я смотрю ее. Если рукопись попадет в руки профессиональных редакторов, тогда, мне кажется, может исчезнуть вся прелесть индийского колорита.

— Нарайана я считаю одним из лучших романистов нашего времени, пишущих на английском языке. Некоторые из его ранних произведений каким-то странным образом напоминают мне Чехова — то же огромное чувство юмора, та же грусть...

— Спасибо за то, что вы всегда приветливо встречаете меня, — прощается с нами Грин. — Я постарался ответить на ваши вопросы непосредственно и прямо, как мог, но некоторые вопросы требуют размышления, на них трудно отвечать сразу.

Т. Ланина

